

Т

ам, где есть золотые рудники или гидролизные заводы, всегда ухитряюсь вляпаться в неприятную историю. В Тавду послали. Неказистый городишко при гидролизном заводе, на него и отправили кое-какие неполадки по электрической части подчистить. Не наше дело тесать да гладить, а наше дело готовое сладить. Работы на неделю, если не очень торопиться, а спешка, сами знаете, где нужна. И поселили вполне прилично. Гостиница в трехкомнатной квартире, недалеко от завода. Соседи — два светилы, из тех, что сварные швы ультразвуком проверяют, дефектоскопистами называются, и один геодезист. Приблизительно мои ровесники, около тридцати. Съехались из разных городов.

Светилы — ребята нагловатые, избалованные левыми работами: кому емкость зарегистрировать надо, кому крюк на крапе — все к ним. И в благодарность за работу не бутылку несут — ящик, а те, кто позаднее, деньгами берут. Я не только про новых соседей, у светил это повсюду, профессиональное заболевание, как геморрой у шоферюг. Вот сказал, что за «работу». Извините, оговорился. Аппарат за них работает. Причем — казенный. А сам свети-

ла только носильщик при этой всевидящей штурковине. Ни шнорвки, ни мозгов напрягать не надо. Поэтому все мысли направлены на то, как бы лишнюю хрустящую бумажку или шальную бабенку, приятную на ощупь, заграбастать.

Особенно шустрым был тот, который первым номером выступал, Виталиком звали. Помощник его, Генаша, из вечных пристяжных, из тех, что без коренника любой вольности пугаются, только по накатанному. Но изобразить из себя нечто значительное очень даже не прочь. Если, конечно, один в свежей компании. Виталик, хотя и пройда последняя, но натурой не заужен и характером не тяжелый. Из разговоров понял, что он и приработками делится и подружку для напарника при возможности прихватит.

В день моего приезда выпили за знакомство. Спели: потому что мы народ горячий, потому что нам нельзя иначе. Виталька немного посидел и на свиданку намылился. Геодезиста в сон потянуло. За день набегался на свежем воздухе, а в тепле разомлел. Знакомая болезнь. Мы с Генашей вдвоем досиживали. Собутыльник он крепкий, а собеседник неважный. Ничего интересного рассказать не может, только хвастаться горазд, какие они с Виталей деловые ребята.

Спирт — зелье коварное. Поутру было тяжеловато. Но с теми, кто заявляет, что если пьянка мешает работе — брось работу, я категорически не согласен. Положенное надо делать. И, желательно, чтобы другим перделывать не пришлось.

К пятнице я управился, но мое помрачительное начальство велело попутно какие-то договора подписать, а их еще не подготовили. Пришлось оставаться до понедельника. Заявляюсь в гостиницу — вся компания в сборе, но морды у парней пасмурные.

«Что приуныли?» — спрашиваю.

«Да есть причина, — говорит Виталья, — и весьма неприятная».

«Неужели неприличных насекомых поймал?» Пытаюсь пошутить, но чувствую, что дурь порю. Задумчивость у мальчиков очень нездоровая.

«Деньги пропали».

«И документы», — добавляет геодезист.

Стою с глупой мордой. На розыгрыш не похоже. Но как такое могло случиться — представить не могу.

Виталья советует и мне свое барахло проверить.

На рубахи и нестиранные носки вряд ли кто позарится, бумажник с паспортом и деньгами у меня в кармане. Проверять нет смысла, но коли предлагают, вытаскиваю сумку из-под койки. Открываю. Все на месте, но видно, что в ней рылись.

«А ты случайно днем сюда не заходил?» — интересуется Виталья. Прокурорским голосом спрашивает. Остальные внимательно смотрят на меня. Ждут.

Был, говорю, и начинаю объяснять, что забегал чаю попить, потому что в столовую опоздал. Рассказываю, словно оправдываюсь. Лепечу и остановиться не могу. Соседи терпеливо дослушали. Я замолк и они молчат. В такие неожиданные паузы принято говорить, что милиционер в это время родился. Почему? Понятия не имею. Однако пришло на ум. Но сказать не решился. И про то, что утром, когда на завод уходил, светилы еще спали. А у Витали даже подруга ночевала. Но загвоздка в том, что они до моего приезда две недели прожили, и ничего не пропадало, а новенький появился, и гривенник в щель закатился. Никаких обвине-

ний не предвзвеляют, но потрохами чувствую, на кого думают. Косятся, как середа на пятницу. У меня единственного ничего не пропало. На воре шапка не горит, но мне кажется, что они только и ждут, когда вспыхнет.

Обычно целыми вечерами балаболили. А тут, как в мертвый час. Завалялись по койкам, обрывки газет читают. У Генаши даже книга откуда-то взялась. Геодезист первый не выдержал:

«Черт с ними, с деньгами, в понедельник позвоню, скажу, чтобы прислали. Даже за паспорт не переживаю, штраф заплачу и новый выпишут. Но вместе с ним справку прихватили, по которой имею право принимать подсобных рабочих и рассчитываться с ними. Мне за нее голову в тресте оторвут».

«А выгнать не могут?» — спросил Генаша.

«Да запросто! — говорит. — Турнут с волчьим билетом и никакие слезы не помогут».

Выговорился и снова на койку рухнул.

А мне, дураку, мнится, что специально для меня сказано. И Генаша не случайно встрял. Не пожалел своего маслица в чужой огонь подлить.

Лежу, костерю себя за дурацкие мысли, уговариваю успокоиться, а не получается. Виталик стал собираться на вокзал. У его подружки отпуск кончился, и она уезжала в Свердловск. Он ушел, и мне на воздух захотелось. Невмоготу стало сопение слушать. Сначала хотел податься в кино, а свернул почему-то к ресторану. Выпивка тоже помогает отвлечься. Да и аппетит некстати проснулся.

Не помню, говорил или нет, что в городишках, где есть гидролизные заводы, официантки вместо водки приносят разбавленный спирт. Местная публика привыкает и разницы не чувствует, а свежему человеку сразу бросается в глаза, точнее, в нос и в желудок. Однако привередничать не стоит. Спиртишко вполне съедобный. Заводские мужики случай рассказали, будто выписали подшефному колхозу пару фляг спирта для проведения посевной. Фляги, разумеется, молочные, сорокалитровые. Экспедитор довез их до станции, а там еще пяток километров по проселочной дороге надо было одолеть, чтобы в деревню попасть. Встретили его на лошади, потому что по весенней распутице это единственный выезд. Лошади спирт не пьют. Она вернулась в деревню живая. А экспедитор с возницей умерли. На селе переполох — отравленный спирт прислали. Председатель колхоза является на завод, судом грозитя. А директор у него на глазах выпил полстакана неразбавленного и говорит:

«Спирт нормальный, по ГОСТу, просто жадничать не надо».

Я тоже выпил. Посмотрел на публику — девки все по рублику, как любил говорить мой приятель Гена Саблин. Да и сидят не густо. Одну кудрявенькую присмотрел, но опередили. Какой-то мужичок на танец пригласил. Гляжу, а она вроде как беременная. Но не стесняется, любезничает с кавалером, жметя к нему. Пришлось выпить за чужое счастье. Если им хорошо, третий должен уйти.

Первые сто пятьдесят проглотил еще до того, как бифштекс принесли. Пришлось дозаказывать. А когда и второй графинчик осушил — все женщины показались писаными красавицами. Может, и уговорил легко, потому что рассыпался в искренних комплиментах. Они же чувствуют, когда им врут, а когда — от чистого сердца.

Забылся в жарких объятиях и, главное, избавил себя от бессонной ночевки в гостинице.

А на другой день возвращался с похмельной головой, но спокойный и безразличный ко всему — пусть думают, что хотят.

Захожу в квартиру, а там пир горой. К геодезисту гость пришел, его подсобный рабочий. Коллега мой, некоторым образом. С той лишь разницей, что я таскал рейку в несовершеннолетнем возрасте, а он — в пенсионном. Старикан забавный, но я сразу понял, что веселье не от его баек. И не ошибся.

Нашлись и деньги, и документы.

Витала свою подругу на поезд не посадил. Билет не купили. Маяться целую ночь в общем вагоне она не захотела, а плацкартных не досталось. Ну и решила возвратиться к нему, в гостиницу. А пока она после вокзала руки мыла, чтобы колбаску порезать, он заглянул из любопытства в ее чемодан, хотел посмотреть в паспорте, не замужем ли. А наткнулся на другие паспорта. Ни грело, ни горело, да вдруг и вспыхнуло.

«И что ты ей сказал?» — спрашиваю.

«Сказал очень многое, а вот что делать с ней, пока не решил. Предлагал ребятам воспользоваться ее щедрым телом, но они поскромничали. Может, у тебя особые счета к ней? Так я могу ключ дать. Она в моей комнате заперта».

«А почему особые?» — спрашиваю.

«Да мало ли, — отмахнулся он. — Пусть посидит, подумает, а ты лучше послушай, как Данила Петрович у Колчака воевал».

Налили мне штрафную, и дед прочил свои байки. Оказалось, если не привирал, он в юном возрасте у какого-то полковника вестовым служил. На ногу с детства скор был, оттого и теперь усталости не знает. А в белой армии у них все деревенские парни воинскую повинность отбывали, правда, перед этим и красными успели побыть. Но когда колчаковцев погнали из деревни, отступить с ними не захотели, попрятались, переждали и снова в доблестную Красную Армию добровольцами записались. Даже частушку по этому поводу спел.

Он служил у Колчака
В должности писарчука,
А когда служил в ЧеКа,
Превратился в смельчака.

Но уточнил, что сочинили не про него, потому как в писарчуки его бы не взяли: грамотешки в ту пору не имел. Это Гришка Пестерев геройствовал, в начальники выслужился, и в Москву перевели, а потом, слухи дошли, вроде как расстреляли.

Я после второй штрафной повеселел, на душе полегчало, в голове игривость появилась. Ну и спросил — не знал ли он Павлика Морозова?

Дедок хитровато посмотрел на меня, хмыкнул и даже пальцем погрозил:

«Нет, паря, Пашку я не трогал. Мы с ним в разных деревнях жили», — еще раз хмыкнул и предложил помянуть убиенного.

Выпили. Дедок железными зубами откусил колбасы прямо от палки и задумался. А на меня нашло, тормознуть не могу, провоцирую, дескать, может, за дело пацана порешили, некрасиво на родного батьку доносить.

Дедок не реагирует, вообще от меня отвернулся, взял Виталю за рукав и говорит:

«Слышь, начальник, ты что-то про девку говорил. Так если ребята слабы, может, меня допустишь?»

Витала аж захлопал от радости. Пошарил по карманам и протянул ему ключ.

Бывший колчаковец поднялся, сделал два кривых шага и рухнул на пол. Спирт — зелье коварное, извините, что повторяюсь.

Пока мы гадали, что с ним делать, старичок захрапел. Геодезист поднял его на руки и отнес на свою кровать. На всякий случай вниз лицом уложил. Чтобы не захлебнулся, если стошнит. Заботливый руководитель. А пленницу отпустили. Не бить же; хоть и стерва, но баба все-таки. Перед отъездом спросил у Витали, не думал ли он, что деньги украл я? Не сознался.

Может, я и впрямь сам себя накрутил?

ПЕРЕДАЧА ПО АКТУ

Гена Саблин отзывает в уголок и спрашивает: «Не тебя в Бердск отпращивают?»

Я сознаюсь, только понять не могу, почему он секретничать надумал.

«Значит я тебе нужен, — говорит. — Женщина!.. Закачаешься и онемеешь! Но желательно, чтобы дар речи надолго не пропал. Она молчунов не любит. Ну, что, готов?»

Я, как юный пионер, всегда готов.

«Другого от тебя и не ожидал. Тогда ставь бутылку, и проводим передачу по акту, — потом голову на грудь уронил и страдальческим голосом признался. — Понимаешь, сам бы ел, но выпить надо. Башка раскалывается, а касса закрыта. От сердца отрываю, но срочно требуется лекарство, извини».

Я пытаюсь объяснить, что без всяких актов опохмелю, из уважения, зачем бабу предавать, если в душу запала. А он ни в какую. Неуютно ему якобы в должниках оставаться, да и поздно уже на попятную: коли в мыслях согрешил, значит, готов отвечать и перед попом, и перед парткомом.

Я уж не стал напоминать, что беспартийных на парткомах не расписывают, нельзя похмельного человека моральями терзать.

Схема передачи по акту простая, как оглобля. Побывал монтажник в каком-то населенном пункте. Нашел там веселую подружку. Поигрались в любовь недорогую, как Есенин писал, а на прощальном ужине после долгих благодарностей за душевное тепло намекает, что есть у него закадычный дружище, который в ближайшее время собирается продолжить дело, начатое им — так не могла бы она и с дружкой его познакомиться, и выделить ему свободный уголок в горячем сердце. Конечно, перед тем, как такое говорить, надо хорошенько подумать. Это лапоть на обе ноги плетется, а рукавички розни. Иная, услышав такой комплимент, может и тарелку с закуской на голову надеть. Тут в психологии надо разбираться. Энгельса с Шопенгауэром штудировать, как Анатолий Степанович говорил. Но бывали случаи, что веселые подружки сами просили дать адресок порядочному человеку. Их тоже можно понять — злетные, они поинтереснее местных, и жены у них на безопасном расстоянии.

Подлечился Саблин и принялся достоинства дамские расписывать: и нога под ней точеная, и круп, словно у племенной кобылицы, и грива золотая...

«И морда лошадиная», — добавил я.

«Обижаешь, — возмутился Гена. — Личико ангельское. А зовут Елена Витальевна! Ты вслушайся, какая музыка в имени!»

Он даже зажмурился от сладких воспоминаний.

Раздразнил.

Через пару дней приезжаю в Бердск, устраиваюсь в гостиницу и вечером спешу в ресторан. Каким боком знакомство повернется, гадать бесполезно, но увидеть не терпелось. По его словам, Елена Витальевна должна была работать старшей официанткой. Гена говорил, как должность по-иностранному называется, но я запомнил.

Захожу.

Стоит!

Она!

Лицо ангельское, волосы золотые и все остальное, как Саблин обрисовал, только словесный портрет получился все-таки побледнее.

Улыбка и добрая, и приветливая. Но с гостеприимством все понятно — день будничней, половина столиков пустует — любому гостю рады. Глупо такое радушие на свой счет принимать. Но что-то глупенькое внутри шевельнулось, врать не буду. Красавица крикнула какую-то Свету, и сразу же подошла официантка. Чтобы лицом в грязь не ударить, заказываю самые благородные закуски. Сижу, посматриваю исподтишка, люблю, и не верится, что такая женщина может оказаться моей. Но, с другой стороны, передача по акту прошла по всем правилам, значит, можно надеяться. И все равно сомнения делят. Голова тормозит, а глаза торопят. Но сколько можно скромничать? Выпил для храбрости, подхожу и говорю: привет, мол, от Гены Саблина, встретились перед отъездом, просил передать самые добрые пожелания.

Она обрадовалась, руками всплеснула:

«Ой, как здорово! Ой, спасибо! — разулыбалась и обещающим голосом обнадеживает: — Знаете что, Вы подождите до конца смены, посидите, выпейте, а потом проводите меня и расскажете, как он там, чем дышит, не собирается ли в гости к нам?»

Я, конечно, сплошное обещание. Такую женщину согласен ждать, сколько потребуется и даже дольше. Попросил официантку заменить графинчик, но понимаю, что напиваться нельзя. Цежу в час по чайной ложке. На calorийную закуску налегаю. До конца поверить в удачу боязно. И жалость к женщине в душу прокралась, берedit, на мозги капает. Не укладывается в моей голове, зачем ей такие, как мы с Геной, неужели не может найти нормального мужика, выйти замуж, нарожать красивых детей? Благородные мысли потому и называются благородными, что нам, грешным, руки-ноги вяжут. Не будь она пропащей, не сидел бы я в этом пустом кабаке, не ждал бы ее, сгорая от нетерпения. А время, как в той песенке: «Все часы сговорились и не идут...» — смотрю на них через каждые десять минут. Заодно думаю, что мне про Саблина рассказывать. Всю правду выкладывать — вроде как не по-мужски, подумает, что сплетничаю. А лучшую половину правды выложить — тогда Гена слишком красиво покажется. Небезопасно. Теперь мы не только друзья, но и соперники, в некотором роде... И уже перед уходом новая задачка на ребро встала — брать с собой выпивку или не брать. Этим тоже отпугнуть можно. Думал, гадал и решил все-таки воздержаться.

Она пару раз подходила, интересовалась, не устал ли ждать. Я бодренько отвечал, что готов хоть до утра. Из посетителей я один остался. Официантка рассчитала меня, но покинуть помещение не предложила. Смекаю, что моя красавица предупредила девушку.

Наконец дождался.

Елена Витальевна вышла из подсобки в плаще, в руке сумка, явно с продуктами. Я похвалил себя за сообразительность — дама сама позаботилась о том, чем накрыть стол. Она прошла мимо и легонько кивнула головой, подала сигнал. Выждал для конспирации пару минут и взял след.

Она ждала метрах в пятнадцати от парадного, отдала мне сумку, подхватила под руку, и потопали мы по безлюдным ночным улочкам. Плечо у нее мягкое, от прикосновения тепло по всему телу плывет. Она извинилась, что автобусы к ее дому не ходят, но успокоила, что идти не очень далеко. Для завязки разговора спросила, не смотрел ли я фильм «Осенний марафон». Посоветовала обязательно сходить, но не удержалась и стала пересказывать, очень живо, с выражением, но путано, и я ничего не понял. Да и не тем голова была забита. Дорога, кстати, оказалась не такой уж и близкой. Возле подъезда Елена Витальевна забрала у меня свою тяжеленную сумку, извинилась, что не может пригласить в гости, у нее, дескать, не прибрано, генеральную уборку на субботу наметила, да и боится, что муж неправильно поймет. Чмокнула в щечку на прощание и попросила передать горячий привет другу, но имя Саблина вспомнить не смогла.

Да, чуть не забыл, пригласила меня наведываться в их ресторан.

Гене повезло, когда я воротился в трест, он был уже в Забайкалье. Встретились аж через полгода. Я успел остыть.

«Что же ты, — говорю, — подлец, шутишь так бесчеловечно?»

А он удивление изображает.

«Объект подготовил по всем правилам котлонадзора, — говорит, — а если сорвалось, значит, сам виноват, или поторопился, или глупостей напел, а она дураков сторонится».

Так серьезно отчитал, что я чуть было не поверил, но Саблин сжалился, или комедию ломать поленился.

«Поинтересуйся у своего друга Анатолия Степановича, это он мне красавицу по акту передал, — потом засмеялся и спрашивает: — Она тебе кино пересказывала?»

Пересказывала, говорю, «Осенний марафон».

«А мне — «Мачеху», да так выразительно, наверно, в девках мечтала в артистки попасть».

Похищали мы, повздыхали, посетовали, что не осталось добрых женщин на Руси и пошли искать пиво.

А после дюжины кружек Саблин вспомнил, что Анатолию Степановичу она пересказывала «Старшую сестру» и даже в гости его приглашала, обещала с мужем познакомить. Видимо, больше, чем нам, доверяла.

ЛАДУШКИ

Озеро называлось Духово. Может быть, в каких-нибудь документах оно и под другим именем числится — не знаю, я карту Приморья смотрел — там его вообще нет. Но мало ли чего у нас нет на бумаге, а на самом деле преспокойненько существует. Иногда и не преспокойненько. Может, на секретных картах оно и отмечено, только я их не видел. Да и не в картах дело.

Зато легенд о нем насочиняли, хоть в книжку собирай. И все любовные. Мне особенно одна понравилась. Дело было как будто еще до революции. Влюбился прапорщик в молодую генеральшу. Те прапорщички, в от-

лицие от теперешних, совсем юными были. На двоих им сорока лет не набиралось. Ну а генерал, сами понимаете, старенький. Прапорщик ходил у него в адъютантах. А у прапорщика завистник был, на место его зарился, и подослал он генералу анонимку насчет моральной устойчивости жены и адъютанта. Старый пень вместо того, чтобы вызвать соперника на дуэль, состряпал на него дельце, будто прапорщик — маньчжурский шпион. Посадили болезного под замок. Но прапорщик парнишка стойкий оказался — вину не признает, под протоколами не подписывается. Генерал сам допрашивал и сам бил, связанного-то не страшно, пинал, как футбольный мяч, и все в пах норовил заехать. Но и генеральша не сидела сложа руки. Добыла на барахолке снотворного, подсыпала мужу, угостила охранников и вызволила возлюбленного. Отчаянная была, даром что генеральша. Хватились их на другой день. Подняли конвойную роту, взяли овчарок и — в погоню. А командовал ротой тот самый анонимщик, добровольцем вызвался. Беглецы о погоне не знали и остановились отдохнуть у старика-отшельника. Шалаш у него как раз на берегу озера стоял. Поспали они чуток, обсушились, старичок их чайком напоил, тушенки в дорогу дал. Прощаться уж начали, и тут... собачий лай. Генеральша к отшельнику: спрячь, мол. А куда от собак спрячешься? Везде учуют. Разве что под воду. И дал им отшельник травки пожевать, волшебной травки, после нее генеральша в ружалку превратилась, а прапорщик в водяного. Для возвращения в нормальный вид надо было пожевать корешки от этой травки. Старичок показал им, где эти корешки хранятся. Но и анонимщик попался не из простачков. Видит, возле костра три чайных прибора, хватъ хозяина за шиворот — куда шпионов спрятал? Дед не выдает. Тогда отрядил он трех дюжих молодцов и велел допытаться. Солдатики трясли, трясли да и перестарались. Но, умирая, отшельник проклял их... И не вышел отряд из тайги. А прапорщик с молодой генеральшей остались жить в озере, потому что конвоиры от злости подожгли шалаш и спалили все волшебные коренья.

В то же лето проходила мимо озера военная часть. Сделали привал на берегу, а потом семерых не досчитались. На следующий год еще пятеро военных утонуло. Потом еще несколько человек пропало. И все в военной форме были, мирное население духи не трогали.

Вот такую историю рассказывают про Духово озеро. Но сдается мне, что придумали ее браконьеры, чтобы милиция и пограничники рыбачить не мешали. А рыбка там водилась, и всякая разная: от форели и тайменя до тихоокеанской селедки, потому что в озеро и речка горная впадала, и с морем оно протокой соединялось.

И надумали мы с дружкой моим Вовкой Сивохиным съездить туда на майские праздники.

Капризной приморской погоды придумать трудно. Выходили из дома, куртки в руках несли. Жара стояла. Багульник по сопкам уже вовсю цвел. А проехали семьдесят километров, ну сколько мы на них потратили — час, самое большое — полтора, взбираемся на перевал, выхожу из машины — дувает, на ногах еле держусь. Ветрище — метров тридцать в секунду. Смотрю на ветку цветущего багульника, а она обледенела. Обламывая такой цветочек и соси, как леденец. А за перевалом: небо черное, тучи за деревья цепляются, и дождь сыплет — начались приключения.

Подъезжаем к озеру, а нам мужик навстречу, летит с вытаращенными глазами и орет:

«Вы с ума сошли — отдыхать в такую погоду, разворачивайтесь и дуйте быстрее назад, по радио передавали — тайфун приближается».

А с тайфуном шутки опасные. Зарядят дожди, ручьи взбухнут, мосты посрыгает — и будешь куковать. Я, грешным делом, скис, настроился на обратную дорогу. Но Вовка перед отъездом с женой поругался и слышать не хотел о возвращении. Кору, говорит, буду с деревьев грызть, а домой не поеду, пока праздник не кончится.

И правильно сделал. Паникер этот сторожем с турбазы оказался. У них как раз пересменок был. Он домой собрался, а ехать не на чем, вот и начал пугать, чтобы мы развернулись и его с собой прихватили. На Духовом озере еще и не такие шутки откальвают.

А дождь под утро кончился.

Для начала мы отправились на речку за форелью. Там, кстати, и голец иногда попадался, и еще одна хитрая рыбка по имени пеструшка, а если правильнее — пестрядка. Почему хитрая, сейчас объясню. Имя у нее женское, а пола она мужского. Рыбка симпатичная, с нежнейшим мясом, и, может быть, поэтому является мужем лососихи симы. Пусть и не главным мужем, а вроде как помощником главного, но все равно странная парочка. Представьте себе лилипута, живущего с баскетболисткой или толкательницей ядра. Нет, я серьезно, сима — рыба статная, и весу в ней килограммов пять, а муженек величиной с ладошку.

Но штрафуют за этого карликового самца наравне с его драгоценной подругой.

Однако нам повезло: пеструшки нам не попались, и от штрафа мы увиливали. Кстати, и форель тоже не клевала.

Речка после ночного дождя размазалась по берегам, вода в ней пожелтела, и вся приличная рыба разбрелась по новым пастбищам. Клевали только гольяны. Но кто, кроме городских туристов, станет ловить гольянов?

Пришлось возвращаться на озеро.

Идем к сторожу просить лодку, а он к нам навстречу, с предложением. Сеть, бедняга, потерял. Поставил еще в прошлое дежурство, рыбки старухе привезти хотел, а приплыл снимать и не нашел. Мы спрашиваем: не прапорщик ли утащил. Но он не понял и даже вроде как испугался — какой, мол, прапорщик. Водяной, говорим, какой еще? Рассердился. Он вообще в эти байки не верит. Хотя сам — вылитый леший: пегая шевелюра почти от бровей начинается, глазки маленькие, бороденка клочками растет и мало того, что сутулый, так еще и скособоченный немного. И предлагает нам такие условия: найдем сеть — все, что в ней будет, забираем себе, и, кроме того, он показывает нам протоку, по которой селедка ночью гуляет, и дает всю амуницию для лова. Он бы и сам сплавал, да здоровье у него после передачи и приема смены пошатнулось немного.

Это и без объяснений чувствовалось.

Выбирать было не из чего. Старик с берега показал, где должна стоять сеть, и мы погребли. Озеро немаленькое, но за полчаса до указанной зоны добрались. Начали прочесывать. Я на веслах, Вовка «кошку» кидает. Помните загадку: режу, режу — крови нету, еду, еду — следу нету? Так и мы, крутились, крутились, вроде и ориентиры замечали, да все равно запутались. Где, может быть, на семь рядов проверили, а где и пропустили. Даже поругались немного: Вовка на меня — не там, мол, гребу, а я на него — не так кидаешь. Но это уже после трех часов бесполезных поисков, тут и железные нервы не выдержат. И прапорщика-водяного вспомнили недобрый словом, и русалку-генеральшу, пусть повежливее, но помянули, а больше всех досталось хозяину сети. Не втяни он нас в эту авантюру, мы бы за это время и с берега надергали на уху. Повернули к

турбазе. «Кошк» уже не бросаем, опустили на всякий случай в воду метр на полтора и плывем потихоньку. Вдруг дерг... и веревка поползла. Зацепилась пропажа. Начали выбирать. Идем вдоль троса, как по лекалу, выписываем нечто вроде восьмерки. Представляете, в каком состоянии был рыбак, когда сеть ставил? И все-таки с десяток здоровенных красноперок умудрилось запутаться в ней.

То-то радости у старика было. Выставил он по такому случаю флягу березового сока, добродившего не меньше чем до десяти градусов. Поужинали. И отправились ловить селедку. Сторож нас шахтерским костюмом непротекаемым снабдил и легкой жилковой сетешкой. Самую любимую не пожалел.

На протоке, которую дед по секрету показал, мы и сами раньше бывали, да не знали, что в ней рыба ловится. Маленькая, как болотце, Вовка натянул шахтерские бахилы и запросто ее перебрел.

Поставили сетку и ждем. Система для нас незнакомая. Дед успокаивает: не волнуйтесь, мол, стемнеет, луна взойдет, и появится желанная, сразу услышим, как она в ладошки начнет играть, потому что идет поверху, и только в сеть торкнется, с перепугу хвостом по воде хлоп, хлоп, хлоп. После этого останется только гулять вдоль сети и собирать улов.

Сидим, ждем. Вроде и луна показалась, а ладошек никаких не слышно. Мы, конечно, помалкиваем из вежливости, а дед ерзает, все обещает, сейчас, мол, пойдет, а сам кряхтит, за голову держится, дает понять, что организм очередную дозу березового сока требует. Намек доходчивый. Мы и одни управимся. Иди, говорим, отдыхай. Он поломался для вида, а потом согласился. Договорились, что вернемся утром и разделим улов пополам.

Он уже и собрался было, да вспомнил, что через две протоки от нас ребята из рыбнадзора рыбачат. Предупредил на всякий случай.

Мы и припухли — ничего себе соседство!

А он, не беспокойтесь, мол, они ведь не на работе, у них тоже праздник, и рыбачат они его сетями, так же, как и мы. Если подойдут — скажите, что ко мне приехали. Только рыбу не показывайте, а то обидятся, что вас на лучшую протоку привел.

Да рыбы-то еще нет, смеемся мы.

И он смеется, не все, мол, сразу, ночь длинная. Хмыкнул, пукнул и поковылял отдыхать.

Будет или нет, это еще под вопросом, и решили мы на всякий случай закидушки поставить. До моря от протоки пять минут ходьбы, я вроде говорил, что коса узенькая.

Пошли. Поставили. Минут двадцать провозились, не больше. Возвращаемся и слышим — действительно в ладошки заиграли. Точно так же и коровьи лепешки на асфальт падают: хлоп, хлоп, хлоп...

Вовка быстренько натягивает бахилы и — в воду. Даже садок забыл. Одну селдину на берег кидает, вторую, третья в воду упала, пришлось за садком возвращаться.

И понеслась кривая в баню. Ладошки эти иногда в аплодисменты переходили с нашими бурными овациями.

Никому не доводилось видеть живую селедку при лунном свете?

Она аж синевой отдает! Красавица рыба!

Вместе с селедками попадались и красноперки. Радость невелика, но и беды никакой. А вот когда в сеть запутался бычок — мы немножко струхнули. Он такую прическу из луски на своей башке накрутит — пока

выпугаешь, всю рыбу распугаешь. Ладно — один, пусть себе барахтается, а если целая стая? До утра бы проковырялись.

Но нам повезло. Отделались легким испугом. Зато после этого оборота забрели в нашу сеть кунджи. Три штуки или четыре, я точно не помню. Но дело не в этом. Жадность нас обуяла. Что ни говори, а кунджа — это уже деликатес, такой рыбкой и похвастаться можно перед бывальыми добытчиками.

И решили мы этих кундж утаить от деда. Он себе еще наловит, а нам когда такой случай подвернется. Слаб человек.

Закопали мы их в песок, чтобы потом положить сверху и убрать, перед тем как разбудить деда.

После кунджечек и селедочный ход начал спадать. Тогда и про закидушки вспомнили. Пусть и много селетки добыли, но раз уж снасти поставили, так и проверять надо.

И, представляете, на каждой закидушке по одному, а где и по два окуня. Перла масть, как говорят картежники. Окунь пусть и некрупный, но кучка приличная получилась. И самим на уху хватит, и деда угостить сможем, чтобы зажиленные кунджи поперек горла не встали.

Наживили новых червей, настроили закидушки, и назад, к сетке. Не рыбалка, а конвейер. Вовка по дороге духарика вспомнил, который нас тайфуном пугал. Вот бы действительно поверили. А здесь уж куда ни кинь, а все благодаря Вовке: если бы с женой не поругался, могли бы и слабину дать.

Подходим, значит, к протоке, но ладушек уже не слышно. Значит, закончился ход. Уже и рассветать потихоньку начало. Глянули на воду — что за чертовщина... колья, к которым сетка была привязана, исчезли. И сетка вместе с ними. Барахло наше на берегу, а снасти — нет. Куда она могла деться? Никого рядом не было. Правда, Вовка видел, когда мы окуней вытаскивали, фары на том берегу озера светились. Но это же на том берегу. Чтобы все проверить, лодка нужна, и, главное, надо знать, где стоит сеть. Такие чудеса, аж дыбом волоса. Как деду на глаза показываться? Кто украл, на том один грех, а кто потерял, на том сто.

Вовка в протоку полез. Хотя какой смысл искать. Не акула же утащила? С какой стати акуле в озере гулять? Поневоле прапорщика с генеральшей вспомнишь. А Вовка все равно бродит. Лазал, пока в яму не ухнул, едва бахилы не потерял. Выскочил на берег, зубами стучит и чуть не плачет.

Ну что оставалось делать?

Пошли с повинной. Невеселенькие вести, петушок пропал с насести.

А денек славный такой разыгрывался. Солнышко начало припекать. Подходим. Старик уже поджидает нас, сидит на крылечке, щурится, бороденку свою ногтями скребет — ну вылитый леший.

Мы с рыбы начали: вот, мол, мешок селетки, вот окуньки на ушицу. На окуньков, смотрим, глаза загорелись. Мы все готовы отдать и от селетки отказываемся, краснеем, как девицы — зачем нам полмешка, нам и пяти штук хватит...

Но сколько ни скромничай, сколько ни оттягивай, а признаваться когда-то надо.

Мычим, телимся. Полслова — я, полслова — Вовка...

Зато у хозяина красноречие быстро прорезалось. Такие небоскребы выводил, любой пастух позавидует. Не только мам вспомнил, но и прабабушек.

Стоим.

Потеем.

Терпим.

Наконец, уморился он, плюнул на землю и ушел березовый сок пить.

Остались одни и не знаем, что делать. Вроде и поспать чуток не мешало бы, все-таки вторые сутки на ногах. Да какой там сон. Впору садиться в машину и драпать подальше от этих духов. Да неудобно. Пошли на ручей, выпотрошили рыбу, засолили, завтрак готовим, а у самих из головы не выходит — кто же сеть уволок? Потом старик в окно постучался. Вызвал на улицу. Выходим и видим, что с ним еще два мужика, те самые рыбадзоровцы, один неприметнейший к виду, а второй, как гора, облапти такой, и пикнуть не сможешь.

Дедок нас спрашивает:

«Значит, говорите, видели фары?»

Видели, говорим.

Оказалось, что и те двое тоже видели, они даже лодку высмотрели, которая к нашей протоке шла...

Вот и прояснилась история. Без всяких духов обошлось. И вроде как полегчало. Дед стал понемногу отмякать, между матерными словами и нормальные начали проскакивать. Потом попросил вытащить бревно из озера. Он его давно к причалу подогнал, а теперь, раз уж собрались вместе четыре здоровенных мужика, захотел к избушке прикатить. Мы с Вовкой, конечно, рады хоть чем услужить. Рыбадзоровцы тоже не стали кочевряжиться.

Привел он нас на берег, потом вспомнил, что веревку забыл, и вернулся. Приходим, глянули на бревнышко, а там и без веревки можно обойтись. Перекурили и за дело.

Когда старик с веревкой появился, бревно уже подсыхало на берегу. А дальше — Вовка сбегал за машиной, зацепил его тросом и доставил куда требовалось. Хозяин радуется, словно и про потерю забыл, зовет всех друженько отобедать. Но рыбадзоровцы заторопились, дела их какие-то ждали.

Только они скрылись, старик распахивает перед нами чулан и показывает сеть, ту самую, пропавшую.

Мы в один голос — где нашел?

А он:

«Да тут, недалеко, под кустом у выезда на дорогу. Сходил, пока бревно ворочали».

И захохотал своим лешачьим хохотом.

А потом и рассказал. Он, не ломая головы, догадался, чьих рук дело. Но молчал, думал, пошутят и отдадут. А чтобы удостовериться — забросил крючок, сказал про фары, которые мы видели. А те сразу и лодку приплели, будто она к нашей протоке плыла. На этом и попались. Откуда бы им знать, на какой протоке мы рыбачили, им же никто не говорил.

Тогда он и придумал волюнку с бревном, чтобы сеть забрать. А где у них тайник, он давно знал.

Мы спрашиваем, почему же он за руку их не схватил, не пристыдил.

А он ухмыляется — зачем, мол, пусть думают, что водяные унесли, молодежь теперь шибко суеверная пошла.

Но не этим кончилась наша история. Сетка нашлась, и только тогда мы вспомнили про кунджечек, которых в песок зарывали. Прибежали — да поздно. Протухла деликатесная рыбка. Дураки и найдут, так разделить не сумеют — правильно в народе говорят.

СВИНСКАЯ ИСТОРИЯ

Я вроде говорил, что поселковому люду выжить без подсобного хозяйства было тяжеловато. Все, кто имел хотя бы плохонькую сараюху, а к рукам и голова на плечах присутствовала, держали свиней. Иные даже не одну, чтобы мясо в город на базар отвезти и обновку справить. Свиней кололи на Октябрьскую, под зиму, холодильники-то редкостью были.

В Сибири, кстати, по тому же расписанию заготовки вели. Зимы разные, а праздник один на всех. Дружок мой Мишка Хамайкин об этом празднике с большой нежностью вспоминал. Самые светлые дни туманной юности. Все нормальные мужики в октябре на промысел уходят, и он нарасхват. Первый парень на деревне. Бабы в очередь к нему. А какой пацан такому уважению не обрадуется. Тозовку в руки и вперед. Хозяйка свинью за ухо выводит, а он, в красивой стойке, ноги шире плеч. Прямо, как пятнадцатилетний капитан. Прицелился и...

Нет, не в глаз, что вы, это же не белка, а домашнее животное. Большое и сильное. У свиньи на лбу волосы звездочкой расходятся. Туда и шмалял. Щелкнул, и чушка пятаком в землю. А бабы вокруг него чуть ли не хороводом: и водичку горяченькую — извольте, и чистенькую тряпочку — руки вытереть. Он же и тушу разделявал — все по-взрослому. Потом угощение с рюмками и грибочками. Одна вдова даже постель к его приходу расстелила. Но он сказал, что вывернулся. Поскромничал, однако.

Наших свиней батя колол сам. Ему для этой процедуры брат мой, который подводник, привез морской кортик в железных узорчатых ножнах, с красивой рукояткой из слоновой кости. Вроде как еще немецкий, трофейный. Меня в ту пору сильно удивило, что ножик этот совсем непригоден для дела, ни резать им нельзя, ни строгать. Не знал еще, что флотским офицерам картошку чистить не приходится.

Батя подарок оценил. Но Петуховы без представления не умеют. Он и здесь маленький спектакль устраивал. Выведет свинью из стойла, погладит, почешет, на ухо что-то шепнет, и она вроде как сама ногу поднимала. И никакого садизма. В сердце попадал с первого раза. Животное ложилось без визгу. В свинье сердце попал, но чтобы свое не страдало, требовалась рюмка водки. Выпьет. Вытащит кортик. Подставит кружку под рану и запивает водку горячей кровью.

Был случай, когда выпил он лекарственную рюмку, а маманю в ответственный момент угораздило позвать его к телефону. Начальству срочно понадобился. Ходили на охоту и увидели в лесу брошенный трактор. Батя, чтобы не затягивать разговор, пообещал сразу же идти на поиски разгильдяев. Отбрехался и на двор, заканчивать дело. Глянул, а свиньи — нет. Убежала через открытую калитку. Он — в погоню. Так ведь легко сказать. Несется, как реактивная. Батя квартал осилил и выдохся. Я батю обогнал, но против свиньи тоже слабоват. А та сирену врубила на полную громкость и летит по прямой. Народишко с тротуара шарахается на дорогу и ждет — постой, холостой, дай женатому побегать. Почти всю улицу просквозила, потом, словно загнулась, вильнула в сторону, завалилась в кювет и затихла. Лежит на спине, под лапой кортик торчит. Желтая ручка из слоновой кости, как приросток или большая бородавка. Зеваки собрались. Батя добежал, отдышался и послал меня за тачкой. Тачку пригнать нетрудно, пустая сама катится, однако надо было еще и тушу из кювета вытащить. В ней шесть пудов и без колес. Так что любопытные весьма кстати оказались. Помогли, но поиздеваться над Лукой случая не упустили.

И что вы думаете? Усвоил урок? Изменил своей натуре?

Продолжал, как будто ничего не случилось.

Но через пару лет угораздило сломать руку. И как раз перед праздниками.

Пришлось идти к Ахмету. Жил в бараке мужичок. По-русски говорил плохо, поэтому большей частью помалкивал, только улыбался, особенно если выпьет. Улыбается и здоровается по нескольку раз на день. Сначала он на конюшне работал, Феде-бобылю помогал, а когда лошадей передали в колхоз, его пристроили убираться возле конторы: летом подметать, зимой снег раскидывать. Но была у него и другая работа, более квалифицированная. Если у кого возникла надобность забить скотину, звали его. Грамотно управлялся: и забьет, и опалит хоть соломой, хоть паяльной лампой, если надо — и шкуру снимет, и тушу разделает.

Батю моего он пуще самых главных начальников уважал. Когда еще на конюшне работал, беда приключилась. Снабженец поселковый наслушался от конторских дамочек, что в лесу возле Боброва белых грибов хоть косу подпускать. А он, как беззобая курица, всегда голоден. Договорился с начальством насчет лошади и всей семьей отправился на добычу. Ахмета извозчиком взял. Добрались до леса. Перекусили, сабли наголо и, как чапаевцы, ринулись белых кромсать. Ахмет с кобылой остался, выбрал полянку, где трава пожирнее, и прилег на телегу отдохнуть. Час поскучал — надоело. Достал из кармана авоську и тоже решил посмотреть, что это за сладость бесплатная. А в грибах не разбирается, с лесным коварством не знаком. Поискал вокруг полянки, ничего не нашел и незаметно, от дерева к дереву, дальше и дальше. Лешачок ему три подосиновика для затравки выставил, потом пяток мухоморов для потехи. Ахмету много не надо, он не жадный, повернулся лошадку посмотреть. Вроде рядом был, а обратная дорога почему-то удлинилась. На полянку вышел, да не на ту. Стал кричать, никто не отзывается. Бредет наобум и чуть не плачет. Остановится, прокричит «Ау!» и дальше бредет, не дождавшись ответа. А лешачок его то в болотистый кочкарник, то в чащобу малинника, то веткой по морде хлестанет, то валежину под ноги подставит — любит над неопытными поиздеваться. Часа три кругами водил, но пожалелся, вывел на спасителя. То бишь на батю моего. Тот с полной корзиной к дому выбирался. Ахмет вцепился ему в рукав, трясется весь, то плачет, то хохочет. Батя еле выпытал, что приключилось. Еще труднее было узнать, где лошадь оставил. Довел его до сенокосной дороги, по которой они в лес въехали. Следы от телеги показал — иди мол. Ахмет ни в какую. Бойтся. Пришлось прятать корзину в кусты, чтобы не таскать тяжеленную, и провожать до места.

А снабженец с женой и двумя дочерьми уже на телеге. Также перепуганные. Они бы, может, и уехали, да Ахмет лошадку выпряг, чтобы животное по травке погуляло. Бросили бы извозчика, если бы запрячь смогли. Снабженец матерится, не обращая внимания на дочек. Жена орет. Ахмет молчит, только головой мотает. Пришлось бате и этих успокаивать. Еле управился, но когда на выезде из леса вытащил из кустов и водрузил на телегу полную корзину белых, снабженческая жена еще страшнее разразилась: опять глупый татарин виноват, что в пустой лес привез. Сами-то они на всю ораву пяток белых срезали, а остальное лисички, сыроежки, да старые валуи. Половина тары порожняком туда и обратно каталась. И снова бедный батя вынужден в дипломатию пускаться, объяснять, что пришел с утра и собрал всех белых до их приезда. Хотя на самом деле был в другой стороне.

После этого блуждания Ахмет молился на него, не знал, чем услужить.

И вот подвернулся случай долг возвратить. Батя пришел, постучал ногтем по гипсу — выручай калеку, айда свинью колоть. А боец почему-то мнетя.

Батя понять не может. Обычно всегда готов, а тут вдруг заупрямился. И перед кем? Перед уважаемым человеком. Но, опять же, деваться бедолаге некуда, батя и не таких убалтывал.

Закололи.

Опалили.

Сели выпивать.

Ахмет все равно не в своей тарелке. То ежится, то ерзает. Но водка свое дело сделала. Осмелел немного. Извинился пять раз и попросил кусок сала.

За деньги?!

Батя смеется, с чего бы вдруг Ахмет к салу пристрастился. Он и раньше над ним подшучивал, когда тот от сала отказывался, но печенку-то брал, а она тоже свиная. А теперь вдруг сала захотелось, да еще и за деньги. Батя похохатывает, а тому не до шуток. Совсем раскис. Пришлось еще рюмку налить для прояснения ситуации. И все-таки выпытал. Признался Ахмет, что сало велел принести завклубом Минаич. После такой новости впадать в растерянность батякина очередь настала.

«С какой стати, — спрашивает, — он тебя ясаком обложил?»

«Надо сала, иначе тюрьма!»

«За что?» — не понимает батя.

«За дело, — шепчет Ахмет и уже совсем еле слышно: — Политика».

За какое дело? Какая политика? И, главное, с какого боку здесь бывший зек Минаич, батя так и не понял. Видит, что проку от перепуганного мужичонки никакого, дал ему шмат сала и отправил домой. Денег, конечно, не взял. А сам-то, грешным делом, тоже не совсем трезвый. Шлея под хвост попала, хочется загадку разгадать. Маялся, маялся, потом надел парадный пиджак с орденами и отправился к Минаичу.

Вернулся поздно и очень даже шатаясь. Видимо, добавил. Да и как без бутылки в таком деле разобраться.

Матушка ворчит, а он, чтобы оправдаться, объясняет, что не мог не заступиться за обиженного человека. Подсел к радио «Последние известия» послушать, но не утерпел. Выключил и начал возмущаться, а может, и восторгаться, понять было трудно.

«Ну, прохвост! Ну, хитрован! Ну, темнила! Вот что значит лагерная выучка!»

Помолчал, поусмеялся себе под нос, пару глотков чая отпил, но усидеть не мог, пустился в рассуждения:

«Зона усиливает в людях два гаденьких качества — чрезмерное уважение к сильным и безжалостное презрение к слабым. Уважение, допустим, вынужденное, а случая воспользоваться чужой слабостью эти никогда не упускают. И творят свое грязное дело с большим удовольствием. Те, кто попроще, мозги не напрягают, учуют шакальим нюхом слабинку и прут внаглую, а кто похитрее — на ровном месте запнуться вынудит. А Минаич тертый и перетертый. Не знаю, в какой он консерватории недоучился — в музыкальной или художественной, но тюремную — прошел без всяких оговорок. Из яйца украдет. Бедного Ахметку, мало того, что охотунал, так еще и кнутиком над головою пощелкивает. Подкараулил, ког-

да тот пьяныйкий после забоя с куском печенки возвращался, и спрашивает, знает ли тот, в честь какого праздника весь советский народ на трудовые вахты вышел. Ахмет, конечно, знал, что Октябрьская на подходе, но Минаич уточнил для него, дескать не просто Октябрьская, а Великая Октябрьская революция, которая дала народу свободу и отменила все религиозные предрассудки. А он, контрик, вместо того, чтобы встречать замечательную дату самоотверженным трудом, устраивает мусульманские оргии, ритуальные убийства свиней демонстрирует. А это — прямая идеологическая диверсия. Для доходчивости Минаич спросил: посадят ли человека, если он контору подожжет или воду в колодцах отравит. Ахмет согласился, что обязательно посадят, если не успеют убить. Минаич и сказал ему, что с татаринном, который режет свиней на революционный праздник, могут поступить так же, как с отравителем колодцев. А на свободе он только потому, что милиционер в поселке полуграмотный и народ темный, ни в Карле Марксе, ни в религиях не разбирается. Но в Москве люди ушлые. Дойдет до них — и полста восьмая статья обеспечена. Хорошо, если червонец припаяют, а могут и четвертак вклеить.

Бедный Ахмет с перепугу отдал печенку. Умоляет никому не говорить. Клянется, что не только перед Октябрьской, вообще до самой смерти ни одной свиньи не заколет.

Только Минаичу с его обещаний никакого проку.

Поздно, говорит, дело уже сделано, факты засвидетельствованы. Но если Ахмет будет принести ему с каждой забитой свиньи по паре килограммов сала, то он, Минаич, дает слово благородного человека, что будет молчать.

Терять Ахмету нечего — семь бед, один ответ.

Минаич, не стесняясь, рассказал бате о ловкой шутке и даже похвастался, что кое-какой запасец соленого сальца в зиму заготовил.

Батя заверил маманю, что строго посоветовал Минаичу завязать с ясаком, и напомнил жулику, что у полста восьмой статьи много других пунктов.

Минаич к серьезным советам всегда прислушивался. После праздника подходит и докладывает:

«Понимаешь, Лука, я ему сказал, что не надо сала. А он все равно принес, по-дружески, можно сказать. Не мог же я отказом его обидеть?»

И действительно — деваться некуда — друзей обижать нельзя. Особенно если они сало приносят.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЕЗД

В отпуск летел самолетом, а пока набирался сил под родительской крышей, услуги «Аэрофлота» взлетели на неприличную высоту, и мне очень сильно захотелось прокатиться на поезде, осмотреть просторы необъятной Родины с близкого расстояния.

Москва — порт пяти морей и город девяти вокзалов, трудно прошмыгнуть мимо нее.

Перехожу с родного Савеловского на Казанский, прошу билет на вечер. Кассирша предлагает: «На улан-баторском поедете?»

Ничего себе, думаю, дожил. Нет, честно, я всегда считал, что в международный поезд нормальный человек просто так не попадет, вдруг — шпион. Хотя Монголия вроде и не совсем заграница, но все равно — не Бурятия. Я и в мягком-то ни разу не ездил, а тут — международный. Од-

ного в толк не возьму, с каких кренделей моим согласием интересуются? Сомнение возникло, но любопытство победило.

Москва, кстати, с последнего приезда совсем другим городом стала. Жуликов там всегда хватало, но раньше они маскировали свою сущность и вроде как стеснялись ее — теперь чуть ли не гордятся, не совсем приличное увлечение сделалось не только профессией, но и должностью, а должности стесняться нельзя, иначе потеряешь. Едва приехал, и сразу же начались знакомства с новой столицей. Пришел в камеру хранения, встал в хвост длиннющей очереди, время раннее, музеи закрыты, спешить некуда — есть возможность оглядеться. Стою. Созерцаю. Подходит парень и предлагает жетон. Я отказался. Он не обиделся, дальше побрел. Потом смотрю, возвращается с двумя чемоданами, следом дамочка семенит. Уловка знакомая, я и раньше видел, как продают место в очереди, но товарец, как правило, разовый, а тут, смотрю, через пять минут на вторую ходку двинул. Устроил вещички второго клиента. Потом — третьего. Пятого. Десятого. Очередь медленная, так что условия для работы — лучше не придумаешь. И напарник его из камеры хранения не очень торопится. Правда, я не сразу высчитал, что они на один карман играют, но это уж серость моя провинциальная виновата.

В метро другой хмырь, но жутко похожий на вокзального, другими жетонами торговал. Если торопишься, деваться некуда — возьмешь.

А сплошному базару на улицах я уже не удивлялся, наслышан был, да и что мне базар — не за барахлом же приехал. Пошлялся по Арбату, прокатился на Ваганьковское, к могилам Есенина и Высоцкого, и где-то за час до отхода заявился на вокзал. Забрал сумку из камеры хранения, иду на перрон, уверенный, что посадка уже началась. И вдруг упираюсь в пробку. Мальчики в пятнистой форме перекрыли вход на платформу. Народу тьма, а барахла еще больше. Громаднейшие баулы на тележках навьючены выше человеческого роста. Все чего-то кричат и не по-русски. Хотя и без перевода понятно, что возмущается толпа, поскольку радоваться нечему. Да тут еще и с неба закапало, не сказать, что густо, но все равно чувствительно. Холодный душ успокаивает нервы, а холодный дождь почему-то — наоборот. Задние дают на передних, передние — на военных, но не так азартно, больше глоткой, чем грудью. У солдатиков морды каменные, руки на дубинках. До отхода поезда десять минут, а никого не пропускают. Почему? Непонятно. Никто не может объяснить, но кто-то в этом что-то находит. Потом, когда военные расступились и толпа хлынула на платформу, я думал, что кого-то обязательно затопчут. Видели, как вода рвется в пролом запруды? Так же и там, если не страшнее. Но все обошлось. Правда, девчушка одна оказалась на рельсах. Не понял: или тачкой смели, или собственный баул стащил ее вниз. Кстати, парней там было меньше, чем девиц, и каждая, как муравьица, волокла ношу громаднее себя. А состав длиннющий. И передохнуть никакой возможности. Останувшись — затопчут. И все это под дождем...

Кое-как загрузились.

Поехали.

В моем купе монголов не оказалось — три замотанных русских теток, обозленных на Москву, на правительство, на монголов, на американцев и на собственных мужиков. Но где-то под утро они, на мое счастье, сошли. До Вятки барствовал без соседей. Хотя барство довольно-таки относительное. Проводники, два здоровенных быка, даже в сортире не убирали, не говоря уже про коридор или купе — самообслуживание. Раньше

я думал, что самый грязный поезд — «Красноярск — Карабула». Приблуждался. Но, говорю же, в международных путешествовать не доводилось.

Подъезжаем к вокзалу. Народищу на перроне! Если бы пустили сплетню, что сам Сергей Миронович воскрес и возвращается в город юности, вряд ли бы встречающих больше набралось. Поезд затормозил, и начался базар. С земли протягивают деньги, из окон — кофточки, рубашки, свитера и прочие набедренные повязки. Вдоль состава — рой очередей и очередишек.

Видел, как мужик в кудрявой шевелюре кроссовки покупал. У монголки их полный мешок. Он просит сорок третий. Она, не глядя, как лошный номер, выдергивает из мешка пару. На глаз видно, что маленькие, а ей без разницы — всучила и к другому покупателю поворачивается. Кудрявый требует заменить. Она опять вслепую другие сует. Совсем крохотные. Мужик — матом на нее. Тогда монголка высыпает полмешка на асфальт и велит выбирать. Кто-то из мельтешащих рядом нечаянно, а, может, и не совсем, поддел кучу ногой. А торговке что делать? Караулить мешок? Или бежать за откатившей парой? Стоит, дергается — шаг вперед, два — назад. Но кудрявый благородничал, принес сам.

Под окнами толкучка. Деньги — товар. Товар — деньги. И тут же рабочие ходят, колеса простукивают. Народ на них орет, мешаются, мол, под ногами у бизнесменов. И работяги, странное дело, не очень-то и огрызаются. Обычно наш человек, если он при исполнении, такой уж воинственный, возьмите любую уборщицу — окажитесь-ка на пути ее швабры, — а тут сбой. Против базарной толпы — слабо.

Поезд трогается, а сделки не кончаются. Кто-то бежит возле окна и что-то требует, кто-то выпрыгивает на ходу из вагона. Кто за товар не расплатился, кто сдачу не получил — базар-вокзал.

В Вятке в мое купе заявился молодой парнишка и, не присаживаясь, раскрыл чемодан. Я не приглядывался, чего он там перебирает или пересчитывает — неприлично как-то. Потом он закрыл чемодан, бросил его на полку и быстренько умотал, даже познакомиться не успели. Вернулся через полчаса. И сразу же — к чемодану, будто проверяет, не спер ли я чего. Жду, что дальше будет. Смотрю, вытаскивает жилетку, были как раз в моде эти безрукавки, разукрашенные чуть ли не десятком карманчиков на молниях, одевается в нее, потом извлекает вторую, точно такую же, и натягивает поверх первой. За ней — третью. Четвертую. Глазами хлопаю, ничего понять не могу. А он достает из чемодана маленькие коробочки и рассовывает по карманам. Рассмотреть опять не успеваю, но что-то наподобие фотопленки, а может, упаковки с лекарством — да какая разница. Возвратился без жилеток и без коробочек, но с кожаной курткой в руках. Сложил приобретение в чемодан и снова начал заряжаться. Один жилет, второй и т.д. И опять молча. Появился, когда поезд уже подходил к станции. Улыбнулся на прощание, помахал ручкой и был таков.

А чего лишнего-то говорить — по кривой дороге вперед не видать.

Я в этом деле человек неопытный, сразу не сообразил, но потом понял, что у парнишки работа такая, приноровился к расписанию и мотается с поезда на поезд по своему короткому перегону.

Дальше — снова один. Проводники про меня словно забыли. На станции пачку чая купил, пирожков, колбаски. Сажусь перекусить. И вдруг в купе врывается молодая красивая монголка. Нет, честное слово, красивая. Перепуганная, как зозочка на асфальте. Палец к губам прижимает

и, ничего не объясняя, ловко так, в три приема, засаскивает в нишу над дверью, ту, что для чемоданов предназначена. Свернулась калачиком и снова пальцем показывает, чтобы я молчал. А что делать? Сижу, смотрю на свой чай. В голове сплошные шпионские кинокартины. Жду, кто ворвется следом. На всякий случай открыл нож и режу колбасу. Не спешу, чтобы оружие из рук не выпускать.

Или украла что-нибудь у своих? Или с кем-то не хочет рассчитывать — натурой? Может, с проводниками? Говорю же, красивая.

Прислушался — не копытит ли погоня — нет, обычное вагонное шарканье. Утром в проходе бутылку лимонада разбили. Проводник такой хай на монголов поднял, заставил делать уборку от тамбура до тамбура. И послушались. Сам он, конечно, ни тряпки, ни веника отродясь в руках не держал. Гостья, как рысь на дереве, притаилась: ни звука, ни запаха.

Стучат колеса, в окне мелькают деревья, в голове сумятица.

Не вытерпел, спрашиваю, от кого прячется. Она снова палец к губам. Наконец, слышу, останавливаются возле моего купе. Продолжаю резать колбасу. Входит проводник, за ним толстая тетка в форме. Ревизор пожаловал. С билетами у меня все в порядке, да и стол, приготовленный к обеду, внушает дополнительное доверие, так что процедура не затянулась. Заглядывать в нишу над дверью не стали — так ведь не обыск же. Ушли. Девчонка выждала для страховки пару минут и спустилась. Рассмотрел ее внимательнее. Нет, не померещилось со страху — действительно и молодая, и красивая. Она тоже вроде как приглядывается, в глазенках любопытство.

«Ты один здесь? — интересуется и, не дожидаясь ответа, заявляет. — Я к тебе перехожу, вместе поедем».

Лицо аж светится от счастья и нетерпенья. Представляете, заявочка? Первый раз в жизни женщина застала меня врасплох. Стою, не знаю, что ответить. Отказываться вроде бы не по-мужски, пусть и не совсем молодой, и все-таки... Однако честно признаюсь, как на духу — струсил малость. Мнусь, допытываюсь, как звать-величать... Тяну время. И еще раз признаюсь: к позорному отступлению был ближе, чем к вступлению в права. От конфуза спасло ее нетерпение. Пока я телился, она попробовала открыть окно. Не получилось. И мордашка ее сразу поскучилась.

«Нет, — говорит, — плохое купе, торговать нельзя».

И пошла. За то, что позволил спрятаться от ревизора, даже не поблагодарила, сильно расстроилась, я — тоже.

Из любопытства и от растерянности начал дергать окно. И открыл. Там заело малость, надо было сначала вверх надавить, потом дернуть попереч. Дело мастера боится.

Окно открыл, однако в погоню за красавицей не бросился.

Проявил гордость. А потом задумался, почему она впорхнула именно в мое купе. Кто знал, что я один еду? Только проводник. Он и направил птичку. Потому и ко мне никого не подсеял, тайл резерв.

Зато в Свердловске пригнал целую партию новых монголов. Свободных мест было три, а вот сколько человек со мной ехало, я не понял до конца дороги. Ночующих — пятеро: четыре парнишки и девица, молодежь легковесная, по два человека на полке запросто умещались, а чтобы гостей пересчитать — «Феликс» нужен.

Нет, не Дзержинский — арифмометр так назывался.

Впрочем, при желании, люди из органов без улова не остались бы. Ребятишки что-то про визы, про сертификаты, про билеты лопотали, где по-монгольски, где по-русски — всего не разберешь, но кое-что понять

можно. Рыбка ловится в мутной воде. Проводник эту муть поднимал и сам же в ней рыбачил. Я видел, как он в приоткрытую дверь пальчиком сделал. Монголы посоветались, потом старший из них нацепил пояс с раздутым подсумком и поплелся рассчитывать. Вернулся быстро. Проводник до лишних разговоров не опускался: деньги — на бочку, и как можно реже попадайся на глаза. Доходное место. Но купчикам, видимо, тоже чего-то оставалось, иначе бы не разъезжали. Кстати, соседи мои заверяли, что зимой учатся в институте, а летом пытаются заработать. Сначала едут в Китай за товаром, потом уже к нам, в Россию.

В Новосибирск прибыли вечером, в темноте. Но народ к поезду собрался. Ребяташки быстренько опустили стекло, распластались на верхних полках. У одного в руках — женская кофта, у другого — мужская рубашка. Девчушка на подхвате, подает товар и принимает деньги. Двое выскочили на перрон, приторговывали возле окна, ну и для страховки, наверное.

Там же, в Новосибирске, видел, как парень выхватил у монголки кожаную куртку и дал стрекача. И сразу же четверо кинулись за ним. Не знаю уж, специальная охрана или комсомольцы-добровольцы. Догнали быстро. Схватили на лестнице в подземный переход, но бить не стали, хотя монголов на перроне была тьма — или не приняты у них самосуды над ворами, или соображали, на чьей территории находятся...

Короче, торговля кипит, в вагоне грязница, сортирная дверь на одной петле болтается, проводники барыши по тайникам прячут, пассажиры сами себе чай готовят — международный поезд.

Осчастливили город и двинулись дальше. Бока у баулов заметно потопщали, но барахла еще предостаточно. Попутчики, отработав, сели ужинать. Гости понабежали. Бутылку на десятерых раздавили, а разговоров чуть ли не до утра. Лежу, ворочаюсь, уснуть не могу, будто вместе с ними торговал, нервы так же взъерошены. Угомонились только под утро. А когда проснулся, смотрю, уже к дому подъезжаю. Сдал постель, возвращаюсь в купе. Попутчики улыбаются, поздравляют с прибытием, за беспокойство причиненное извиняются. Я тоже улыбаюсь, ладно, мол, дипломата из себя корчу, желаю им вернуться на родину с пустыми сумками и полными карманами. Ребятам приятно, улыбаются еще шире. Но чтобы слова мои с делом не расходились, предлагают купить у них кожаную куртку. Я им в ответ: рад бы, да денег у меня мало. Они не унывают, не беда, мол, за полцены отдадим, как-никак двое суток вместе ехали, подружились. Песню нашу вспомнили: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем». Мне даже стыдно стало, будто я эти полцены выторговывал, а у меня, без всякого кино, копейки оставались — после отпуска-то, понятное дело. И брал ведь не потому, что на халяву губу раскатал, иностранцев уважить хотелось. По карманам пошарился, все выскреб, только на автобус оставил.

Домой пришел, померил куртку, а она бракованная. Мало того, что руки поднять никакой возможности, так еще ведь и в локтях не согнуть...

Почему не примерил, когда покупал, спрашиваете? Потому что дурак. Они спросили, какой размер ношу, покопались в сумке и выбрали, девчонка еще к плечам мне ее приставила. Да и некогда было, разговор о продаже зашел, когда уже поезд останавливался. Шустрые ребята, быстро сориентировались.

Вот вам и «дети разных народов» с мечтою о мире и дружбе... А, в общем-то, все правильно. Плохой товар — слепой купец. Пословица русская, но и у монголов, полагаю, что-нибудь похожее имеется.